

УДК 94(47).084.3:316.443

В. А. Бондарь

## СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАННЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА в 1917–1922 гг.: КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ<sup>1</sup>

Статья посвящена влиянию коммунистических идей на формирование социальных групп в раннесоветском обществе. Благодаря сочетанию марксистских идей с необходимыми мерами по укреплению государства в 1917–1922 гг. в обществе происходила не только консолидация трудящихся в единый класс, но и их стратификация. Она была направлена не столько на отдельных людей, сколько на социальные группы, в том числе коллективы. Политика большевиков по установлению определенных преимуществ и льгот для их членов способствовала формированию как новой элиты высокооплачиваемых руководителей и специалистов, так и нижнего слоя общества.

**К л ю ч е в ы е с л о в а:** Советская Россия, социальная группа, коллектив, коммуна, неравенство, равенство, социальная стратификация, льгота, преимущество.

В марксистских представлениях о государстве «диктатуры пролетариата» [Маркс. Письмо..., с. 437; Маркс, Энгельс. Манифест..., с. 435, 446; Ленин. Государство..., с. 24] центральное место занимает вопрос преобразования пролетариата из эксплуатируемого класса в господствующий. В этом контексте большое значение приобретали формы организации людей в рамках государства, которое должно было создаваться по образцу коммуны.

Идея коммуны опиралась на исторический опыт революций XIX в. и особенно Парижской коммуны 1871 г. [см.: Маркс. Классовая борьба...; Маркс. Гражданская война...]. Основная идея устройства государства «диктатуры пролетариата», которая наложила отпечаток на политическую и общественную жизнь раннесоветского общества – максимально полная демократия с коллегиальными

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

выборными органами управления, члены которых должны быть ответственны перед избравшими их и сменяемы в любое время [см.: Маркс, Гражданская война..., с. 342–343]. Коммуна как ключевое понятие марксистского взгляда на государственное и общественное устройство предусматривала последовательное воплощение идей о социальном равенстве, об обобществлении имущества и труда. Эти идеи должны были стать базой для формируемых социальных групп.

Применительно к государству понятие «коммуна» трактовалось К. Марксом как «работающая корпорация, в одно и то же время и законодательствующая, и исполняющая законы» [Маркс. Гражданская война..., с. 342]. Иными словами, в такой корпорации не было предусмотрено разделения ветвей власти и четких границ между управленческим аппаратом и народом. В работах «Гражданская война во Франции» и «Государство и революция» [см.: Маркс, Гражданская война..., с. 343; Ленин. Государство..., с. 53] о коммунах говорилось во множественном числе, т. е. на территории страны предполагалось существование системы таких объединений. Коммунальная организация пролетариата и беднейшего крестьянства как основа государственного устройства рассматривалась в написанной Лениным накануне октября 1917 г. работе «Государство и революция» в контексте реализации концепции демократического централизма [см.: Ленин. Государство..., с. 53]. Ленинская интерпретация марксистских идей косвенно предполагает синонимичность понятий «коммуна» и «община» в трактовке формы организации людей в обществе. Слово «коммуна» необходимо для обозначения системы общин из-за отсутствия такового в русском языке [см.: Ленин. Государство..., с. 65–66].

Формирование социалистического и, в перспективе, коммунистического общества с «отмиранием» государства мыслилось в марксизме как длительный процесс [см.: Ленин. Государство..., с. 84]. Поэтому допустимо, даже более того, «экономически и политически неизбежно», сохранение в рамках пролетарского общества некоторых буржуазных правовых норм и отношений, в том числе форм социального неравенства. Ленин образно говорит о таких пережитках, как о «буржуазном государстве – без буржуазии» [Ленин. Государство..., с. 98–99].

Противоречия в установке на создание социалистического государства-общины (или коммуны) с уравниванием в правах групп трудящегося населения и сохранением части прежних правовых норм и отношений нашли отражение в реальных формах организации людей в раннесоветском обществе. Эти тенденции сочетали в себе как стремление к уравниванию статуса и положения людей внутри организуемых групп, так и формирование «нового неравенства» в духе ленинского «буржуазного государства – без буржуазии».

В Советской России формы объединения людей в группы были самыми различными, в том числе и основанными на принципе самоорганизации. В более поздний период их чаще всего стали обозначать словом «коллектив», подразумевая под ним относительно компактную социальную общность, объединяющую людей, занятых решением конкретной общественной задачи [см.: Коллектив]. Данный термин применим и для характеристики основных групп людей в раннесоветском обществе (трудовых коллективов предприятий, учреждений, организаций, партийных организаций, крестьянских обществ, связанных с коллективной обработкой земли), но с некоторой долей условности, поскольку само слово «коллектив» партийными теоретиками рассматриваемого периода практически не употреблялось. Кроме того, не всем формам организации и самоорганизации людей в группы были присущи особенности коллектива в позднейшей его трактовке, в частности, сплоченность, общая цель деятельности и коллективные самоопределение и ответственность.

Наиболее показательными в этом смысле были группы людей, образованные с учетом социальной принадлежности – прежде всего рабочие и крестьянские коллективы. В рабочей среде это были чаще всего профсоюзы, производственные ячейки, заводские коллективы, кооперативы. Введение выборных органов управления и рабочего контроля за деятельностью предприятий [см.: Положение...], попытки коллегиального управления ими согласовывались с марксистскими принципами максимальной демократизации и уравнивания в правах. Рабочие коллективы участвовали не только в организации труда и управлении производством, но и могли влиять на установление тарифов [см.: Мэтьюз]. Деятельность органов рабочего самоуправления и контроля распространялась в том

числе на высококвалифицированных специалистов и управляющих предприятиями. Первоначальное сокращение разрыва в оплате труда между различными категориями в 1917–1919 гг. [см., напр.: О заработной плате...; О тарифных ставках...] наряду с увеличением роли рабочих в управлении и созданием рабоче-крестьянских инспекций из самих же рабочих поддерживало эгалитаристские принципы «диктатуры пролетариата». Кроме того, такие объединения и взаимопомощь их членов позволяли облегчить выживаемость в сложных условиях Гражданской войны, остановки многих предприятий и значительного ухудшения уровня жизни населения.

Социальная организация деревни поначалу имела меньший приоритет в сравнении с задачами удержания власти, перестройки управленческого аппарата, промышленной и финансовой сфер в период военного коммунизма. Поэтому формированию социальных групп в деревне уделялось меньше внимания, чем в городе. Кроме того, сохраняла свою значимость крестьянская общинная организация, поскольку все частное землепользование было основано на выработанных ею и закреплённых в земельных декретах принципах уравнильно-трудового землепользования [см.: О земле; О социализации земли]. Реализация этих принципов сделала большую часть формировавшихся крестьянских социальных групп, в том числе коллективов, в определенной степени преемниками ранее существовавших общин.

К разновидностям крестьянских коллективов относятся общественные кооперации, артели, коммуны и товарищества по общественной обработке земли. Они так или иначе учитывались в общей политике РКП(б) в отношении сельского хозяйства [см.: Бухарин, Преображенский]. В сельскохозяйственной коммуне марксистские идеи об обобществлении имущества и коллективном труде были выражены наиболее ярко, поскольку речь шла не только о совместном труде, но и о «товариществе по распределению и потреблению» [см.: Там же]. Тем не менее, крестьянские коллективы, в том числе коммуны, не оказали на социальную стратификацию среди крестьян столь большого влияния, как коммуны в рабочей среде. Среди причин можно указать менее активное, чем среди рабочих и красноармейцев, выдвижение крестьян на ответственные пар-

тийные и советские должности и меньшее количество таких выдвинутых; изначальное общинное мировоззрение; привязка социального статуса и благосостояния к земле; меньшая, чем у других слоев населения, зависимость от механизмов распределения продовольствия. Кроме того, социальный статус крестьян не давал им столь значимых преимуществ, как рабочим, при вступлении в партию и замещении должностей.

Большевистская партия позиционировала себя как рабочая, что подкреплялось, разумеется, более пристальным вниманием к рабочим, нежели к представителям других социальных групп. Такое внимание постепенно приводило к увеличению разницы в доходах между группами трудящихся и расширению системы преимуществ для отдельных категорий рабочих (например, машиностроительных и металлургических предприятий) [см., напр.: Об оплате труда...; О повышении заработной платы]. В результате формировалось социальное расслоение уже в рамках, казалось бы, организованного рабочего класса. В условиях военного коммунизма рабочие зависели не столько от уровня оплаты труда, сколько от принципов распределения продовольствия. Система была индивидуальной карточной по уравнительному принципу, т. е. количество получаемого человеком продовольствия поначалу зависело в меньшей степени от эффективности труда, чем от типа предприятия и сферы деятельности. Ближе к концу описываемого периода начали разрабатываться проекты по введению в экспериментальном порядке коллективного снабжения, т. е. выделения необходимого объема ресурсов не на каждого трудящегося, а на предприятие в целом, и дальнейшего их распределения в зависимости от производительности труда конкретного члена коллектива [см.: Ленин. Проект постановления...; Ленин. Доклад..., с. 315; Ленин. Проект..., с. 334; Ленин. Речь..., с. 358–359]. Вышеупомянутые факторы оказывали значительное влияние на формирование социальных групп среди рабочих.

Партийные коллективы значительно отличались от других форм организации трудящихся, поскольку строились по принципу боевой, фактически военной организации. Они были направлены на удержание власти и распространение своего влияния, поэтому строились на принципах централизма и дисциплины, преобладания

партийных интересов и указаний над личными. Их влияние подталкивало к появлению и развитию организованных по их образу и подобию коллективов в других сферах деятельности и общественной жизни.

Можно выделить несколько групп партийных организаций со своей спецификой: центральный аппарат, губкомы и укомы, волкомы, местные партячейки разных типов (производственные, сельские, ячейки при учреждениях и т. п.), политотделы и коллективы воинских подразделений. Члены партийных коллективов были частью иерархии РКП(б) и должны были подчиняться ее предписаниям. Для укрепления единства партии и партийной дисциплины предпринимались жесткие меры вплоть до начавшихся в 1920-х гг. «чисток». Региональные парторганизации существенно отличались друг от друга по составу и методам деятельности<sup>2</sup>, в первые годы Советской власти их сложно было назвать упорядоченными. В теории парторганизации должны были стать авангардом трудящихся, руководить строительством нового общества и быть примером для масс, поэтому идейные установки в их деятельности должны были быть особенно ярко выраженными.

Поскольку основными принципами работы органов управления являлись самоорганизация и коллегиальность управления на выборной основе, они также становились разновидностью коллективов трудящихся со специфической ролью в рамках «пролетарского полугосударства». Их государственные функции предполагались временными и необходимыми лишь до тех пор, пока, согласно представлениям марксистских теоретиков, не отпадет необходимость в государстве вообще [см.: Ленин. Государство..., с. 18–19]. Тем не менее, данный тип коллективов был одним из наиболее важных для Советской России. Органы управления не только с разной степенью успешности выполняли административно-управленческие функции, но и находились под прямым влиянием марксистской идеи минимума привилегий для труда служащих, которые в теории должны были исполнять обязанности «за заработную плату

---

<sup>2</sup> О типологии парторганизаций, сложившейся к концу 1920-х гг., подробнее см.: [Тяжельникова].

рабочего» [Ленин. Государство..., с. 43; Маркс. Гражданская война..., с. 342]. Однако для них также были предусмотрены особые пайки и механизмы утверждения заработной платы, которые, с одной стороны, ограничивали преференции в соответствии с марксистскими установками «дешевого правительства», а с другой формировали категории служащих в соответствии с тарифами и другими преимуществами согласно месту учреждения в государственном аппарате и исполняемым ими обязанностям [см.: Мэтьюз]. Благодаря своему положению советские служащие отличались от рабочих и крестьян, из которых они рекрутировались, но отнюдь не представляли собой закрытую социальную группу.

Социальные группы, в том числе коллективы, не только объединяли и организовывали их членов, но и способствовали социальной стратификации. Быть частью определенного коллектива означало получить возможность улучшить свое положение на выборной или назначаемой ответственной должности. Особенно это было верно для коммунистов, которые могли занимать не только партийные должности по направлению и распределению от парткомов. Более того, коммунистов выдвигали или назначали на ответственную работу в первую очередь. Тем не менее, выдвиженцы от рабочих, крестьян и красноармейцев также регулярно участвовали в деятельности как собственных, так и управленческих коллегиальных органов, таких как Советы и исполкомы. Система денежных выплат дополнялась другими преимуществами, например, особыми продовольственными нормами, жилищными и другими льготами [см.: Об оплате труда...]. Эти установления способствовали социальной дифференциации, включая образование элитных групп наиболее высокопоставленных руководителей, ответственных работников и членов высших коллегиальных органов в центре и на местах.

Возникновение и развитие нового социального неравенства в Советской России, которое, согласно марксистским представлениям, допускалось как временное явление [Ленин. Государство..., с. 91–95], было связано с отказом от политики минимума привилегий и ограничения размера заработной платы, не обусловленного сложностью и особыми условиями труда. Сознательный компро-

мисс с «буржуазными» нормами оплаты труда и получения других преимуществ был мотивирован потребностью в квалифицированных специалистах и обосновывался положениями о неизбежности временных различий в переходный к коммунизму период [см.: Ленин. Государство..., с. 94]. Так при установленной разнице в доходах 1 : 8 уже в 1920 г. была введена система премирования и других преимуществ не только для привлекаемых «буржуазных специалистов», но и для других категорий работников с повышением максимальных окладов и правом для наиболее высокооплачиваемых из них устанавливать шкалу окладов самостоятельно [см.: Мэтьюз].

Исключение из коллектива приводило к лишению или серьезному ограничению права занимать должности и отстранению от связанной с принадлежностью к нему системы распределения продовольствия. Наиболее ярко это было выражено в партийных коллективах, где исключение из партии было мерой наказания за проступки, несоответствие требованиям к коммунисту или политическую неблагонадежность и могло повлечь за собой смещение с занимаемых должностей. Также при исключении из коллектива терялась возможность рассчитывать на привилегии (в случае с ответственными работниками советских органов, органов управления в экономической сфере и партийных комитетов). Фактически об исключенных из коллективов в рамках основанного на коллективизме общества можно говорить как об особенной социальной группе, составляющей нижний слой населения. Подобный механизм нельзя назвать чем-то уникальным, обусловленным активной деятельностью по строительству социализма. По мере того, как усиливалось влияние коллективов на общество, которое стремились пересоздать в соответствии с марксистскими идеалами, положение тех, кто был из этих коллективов исключен, ухудшалось.

По принадлежности к трудовому коллективу определялось социальное положение (рабочий, красноармеец из крестьян и рабочих, крестьянин, служащий, прочие группы населения). Оно было одной из важнейших характеристик, так как в зависимости от него выстраивалось отношение к вступлению в партию, работе в партийных и советских органах, решались вопросы жилья, получения высшего образования, объема гражданских и избирательных прав [Мэтьюз].

Социальные группы, организованные в коллективы, не были монолитными. Несмотря на усилия по организации в единый господствующий класс всех трудящихся, наравне с совместным трудом и новыми формами социального устройства и благодаря марксистским идеям государственного строительства также развивалась стратификация. С одной стороны, формировалась центральная и региональная элита из руководителей и ответственных работников различных категорий, прежде всего из партийных и советских органов, на основании хоть и ограниченных, но повышенных окладов и нематериальных льгот. С другой, складывался нижний слой населения из тех, кого исключали из коллективов, что приводило к их отстранению не только от денежных доходов, но и от распределения продовольствия, что было особенно чувствительно для зависимых от пайков рабочих и служащих. Границы между группами и категориями не были непреодолимыми, в Советской России сохранялись возможности перехода из одной категории в другую и складывающиеся группы не имели четко очерченных границ. Коллективизм и марксистские установки были одним из факторов их формирования в первые годы существования Советской России.

---

*Бухарин Н. И., Преображенский Е. А.* Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии большевиков. М., 1920 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.marxists.org/russkij/bukharin/azbuka/azbuka\\_kommunizma.htm](https://www.marxists.org/russkij/bukharin/azbuka/azbuka_kommunizma.htm) (дата обращения: 28.12.2016).

*Коллектив* // Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983. [Электронный ресурс]. URL: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/2492/КОЛЛЕКТИВ](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2492/КОЛЛЕКТИВ) (дата обращения: 28.12.2016).

*Ленин В. И.* Государство и революция // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 33. С. 1–120.

*Ленин В. И.* Доклад о продовольственном налоге 26 мая (X Всероссийская конференция РКП (б)) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 43. С. 299–316.

*Ленин В. И.* Проект постановления ЦК РКП(б) : решение ЦК (Политбюро) 22/V.1921 по вопросу о решениях фракции РКП съезда профсоюзов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 43. С. 292–293.

*Ленин В. И.* Проект резолюции по вопросам новой экономической политики (X Всероссийская конференция РКП (б)) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 43. С. 333–335.

*Ленин В. И.* Речь на III Всероссийском продовольственном совещании // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 43. С. 350–360.

*Маркс К.* Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 17. С. 317–370.

*Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 5–110.

*Маркс К.* Письмо к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 28. С. 422–428.

*Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.

*Мэтьюз М.* Становление системы привилегий в Советском государстве // Скепсис : науч.-просветит. журн. : сайт [Электронный ресурс]. URL: [http://scepsis.net/library/id\\_439.html](http://scepsis.net/library/id_439.html) (дата обращения: 15.06.2016).

*О заработной плате рабочих и служащих в Советских учреждениях* : декрет Всерос. Центр. Исп. Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1943. С. 955–957.

*О земле* : декрет II Всерос. Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1946. С. 4–6.

*О повышении заработной платы* : постановление ВЦИК // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. С. 84–85.

*О социализации земли* : декрет Всерос. Центр. Исп. Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 352–362.

*О тарифных ставках служащих и рабочих советских, общественных, частных учреждений, торгово-промышленных предприятий и кооперативов* : постановление народного комиссара труда // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. С. 228–235.

*Об оплате труда служащих и рабочих в Советских учреждениях г. г. Москвы и Петрограда* : декрет Совета Народных Комиссаров // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 488–489.

*Положение о рабочем контроле* // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 30–31.

*Тяжельникова В. С.* Состав партийных организаций в конце 20-х годов. (Опыт количественного анализа по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 г.) // Вопр. истории КПСС. 1990. № 1. С. 70–81.